Н.С.Юлина

О работе В.А.Смирнова «О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р.Карнапа)»[1]

История отечественной философии за последние 50 лет –это история возрождения из пепла, в которой ее повергли трагические события 20-30 годов и Вторая мировая война, живого огня мысли. В ее возрождении участвовали многие философы – и уже ушедшие из жизни, и ныне живущие. Сейчас предпринимаются усилия осмыслить эту историю, оценить вклады, внесенные разными людьми. Высказываются разные мнения. Одни считают, что существеннейшую роль в становлении профессиональной философии сыграли работы Э.В.Ильенкова, М.К.Мамардашвили, Г.П.Щедровицкого и других талантливых личностей. Другие отмечают роль «информаторов», людей, без лишнего шума рассказывавших о состоянии дел в мировом философском сообществе, интересных темах, новых парадигмах и т.д. и тем самым осовременивавших отечественную мысль. Вероятно, есть истина и в том, и другом мнении. И все же мне представляется, что решающая роль в становлении ее профессиональных качеств принадлежала тем нашим коллегам, кто не только высказывал интересные и оригинальные мысли и не просто знакомил с зарубежной философией, а сосредоточивался на работе с проблемами, находящимися в центре внимания современной философской мысли и старался обсуждать их на достигнутом к середине XX века уровне когнитивной культуры. Существенное место в этой работе занимало творчество Владимира Александровича Смирнова. Оно определило важные доминанты отечественной философии как академической профессиональной деятельности.

Я коснусь только одной его работы, опубликованной в 1963 г. в книге «Философия марксизма и неопозитивизм», подготовленной под редакцией Т.И.Ойзермана (главный редактор), А.С.Богомолова, В.С.Зенина, И.С.Нарского. Изд. МГУ. Статья называется «О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р.Карнапа)» напомню, что в 1959 г. на русском языке вышла в свет работа Р.Карнапа «Значение и необходимость. Приложение: Эмпиризм, семантика и онтология» (М., 1959). Для советского читателя того времени она, безусловно, была новым и непривычным явлением – и в содержательном отношении, и в смысле норм и инструментов философской деятельности. Как воспринималась эта новизна в тогдашней литературе? Очень и очень по-разному.

Первый способ *идеологический,* вернее, *политико-игровой.* В официальном кратком предисловии, написанном ректором МГУ академиком И.Г.Петровским, согласно принятым тогда канонам говорилось, что партия требует от философов «неустанного разоблачения антинародной, реакционной сущности современного капитализма и всех попыток его идеологов приукрасить этот уже осужденный историей общественный строй» (с. 3). «Среди этих буржуазных идеалистических течений, маскирующих свою реакционную сущ0ность наукообразной формой и аргументацией, наибольшим влиянием в современном капиталистическом мире пользуется неопозитивизм, или логический эмпиризм». Напомню, что к моменту выхода сборника «Марксизм и неопозитивизм» были переведены, помимо «Значения и необходимости» Карнапа, «Логико-философский трактат» Л.Витгенштейна (1958 г.), с 1960 г. стал выходить сборник «Новое в лингвистике», публиковавший зарубежные материалы по философии языка. По рукам ходили рукописные переводы работ Р.Карнапа, М.Шлика, К.Гемпеля и других философов. Вероятно, имея это в виду, академик Петровский подчеркнул, что поскольку некоторые работы неопозитивистов переводятся на русский язык и получили широкое распространение среди преподавателей и студентов, первостепенной задачей является разоблачение их реакционной сущности.

Когда читаешь написание И.Г.Петровским, М.Б.Митиным, С.И.Никишовым (или за них написанное), видно, что неопозитивизм или какой иной философский «изм» их не интересует. В игровой политической ситуации того времени нужно было

прежде всего продемонстрировать властям свою способность давать отпор всем, кто смеет, помимо марксизма, претендовать на научность. Но вместе с тем имело значение и желание, чтобы советские философы не выглядели свалившимися с Луны и могли со знанием дела критиковать «буржуазию» философию науки, философию языка, логику. Генералы от философии начали выезжать на международные форумы и им требовалась более или менее объективная информация о состоянии дел в мировой мысли и с этой целью допускались переводы, рефераты и т.п. (В 1974 году с этой же целью при Академии наук был создан Институт научной информации по общественным наукам).

Второй способ подачи философской новизны – философско-идеологический. Людям, его практиковавшим, нельзя отказать в определенном профессионализме. Как правило, они читали работы западных философов на языке оригинала, многие обладали завидной эрудицией. Однако профессионализм, основанный на идеологической преданности, и профессионализм, руководствующийся принципом интеллектуальной честности – далеко не одно и тоже. Интеллектуальная честность предполагает преданность проблеме, подразумевает, что механизм критический саморефлексии работает без ограничивающих защелок, без запретных верований, посылок, догм. И именно в этом качестве она – атрибут моральной ответственности ученого и философа. Профессиональную деятельность, сковывающую себя идеологическими догмами, я бы назвала квазирелигиозной. Люди свято верили в превосходство объяснительных возможностей марксисткой философии и для них любой другой «изм» – как бы идолы чужой секты, заведомо ложные. Свою первейшую задачу они видели в том, чтобы, «разоблачая» чужеродных идолов, возвысить своих. Смысл своего участия в сборнике «Философия марксизма и неопозитивизм» такого рода профессионалы понимали в следующем (привожу цитаты): чтобы «вскрыть способы фальсификации марксизма» и «показать банкротство его (неопозитивизма) методологических основ», доказать, «что неопозитивистские верификационистские якоря поддержки и обоснования знания, в отличие от диалектико-материалистической практики, являются жалкими и слабыми», что «отказ от ленинской теории отражения заведомо обеспечивает тупиковые пути». Предложенные неопозитивистами способы работы с философскими проблемами оцениваются однозначно: «Неопозитивисты страшатся, что теория развития (т.е. марксизм. – Н.Ю.) пробивает себе дорогу всюду и везде», поэтому они прибегают к

«изощренной логико-семантической схоластике». «Распространение неопозитивизма – одна из характернейших черт буржуазной философии эпохи империализма, свидетельствующая как о ее общем упадке и загнивании, так и нежелании ее добровольно уступить дорогу подлинно научной философии диалектического материализма». Констатируя, что «неопозитивизм еще не добит», ставится задача «удвоить усилия» по его ниспровержению.

Третий подход в подаче философской новизны – *проблемный.* И именно его практикует В.А.Смирнов. К слову сказать, этот подход довольно широко представлен в этом сборнике, я имею в виду главы, написанные В.А.Звегинцевым, В.С.Швыревым, В.Н.Садовским и др. Контраст с первыми двумя подходами столь велик, что создается впечатление, что их практиковали люди, жившие в разные эпохи.

То, что Смирнова не заботят «задачи идеологической борьбы на современном этапе» и необходимость «дать отпор» идеологическому противнику, претендующему на научность, очевидно. Строго говоря, его не интересуют все, связанное с «измами», в том числе и философскими. Термины «неопозитивизм», «марксизм», конечно, употребляются, но не как маркеры, а как дань принятому ритуалу. Строго говоря, не интересуют и метафилософские вопросы, и программная интенция Карнапа с помощью концепции языковых каркасов показать внетеоретичность спекулятивно-идеалистической метафизики. Его интересует позитив, – *проблемы, поставленные Карнапом.*

Напомню, что в теории языковых каркасов Карнап провел между двумя вопросами: о существовании абстрактных объектов, постулируемых данной теорией и ее правилами (внутренние вопросы); и о существовании или реальности самого мира вещей, к которым относится теория (внешние вопросы). Вывод Карнапа таков: теоретически правомерно говорить только о существовании тех или иных объектов в рамках первого вопроса; вопрос же о принятии той или иной системы объектов или языкового каркаса в целом не может быть и не является теоретическим познавательным вопросом.

Смирнов обращает внимание прежде всего на рациональность постановки проблемы разделения внутренних вопросов и оправданность того смыслового наполнения , которое придал ей Карнап. По большому счету им движет желание, отталкиваясь от

карнаповского решения, обрести собственную позицию. Он начинает с четкого утверждения: «тезис Р.Карнапа о коррелятивности принятия той или иной системы объектов введению соответствующего языкового каркаса... верен» (370). Если бы эти слова были сказаны немного ранее, до оттепели, думаю, нашлись бы люди, которые усмотрели бы в них желание релятивизировать содержание марксизма, поставив его в зависимость от принятого языкового каркаса.

В теории каркасов Карнапа был задействован целый клубок проблем. Владимир Александрович сосредоточивает главное на природе идеальных объектов и их отношении к действительности. Свою позицию он формулирует следующим образом: «Непосредственным объектом научной теории являются логические конструкции, создаваемые этой теорией», «объекты научной теории имманентны ей» (с. 365). «Всякое всеобщее теоретическое знание относится не к реальным предметам, а к идеальным объектам» (369). «Идеальный объект не существует как идеальный объект вне познающего субъекта» (с. 369). «Идеальные объекты» не есть реально существующие предметы». То есть он отвергает реальность идеальных объектов как платонизм и объективный идеализм. И в этом отношении он должен был отвергнуть теорию мира, которую примерно в 60-х годах разрабатывал К.Поппер, согласно которой идеальные объекты реальны, а их развитие в «платоновском мире» происходит относительно самостоятельно. В разбираемой нами статье Смирнов не задается вопросом, который адресовал Поппер позитивистам: как возможно, исходя из номинализма, объяснить рост и логическое развитие теорий.

По Карнапу. Вопрос об отношении языкового каркаса к внешнему миру неправомерен. Смирнов не согласен с такой позицией и считает его законным. Каковы его аргументы? Я имею в виду представленные в данной статье, а не в более поздних работах, где в орбиту его анализа входят другие материалы, расширяется диапазон рассмотрения, доводы становятся более продуманными и сложными. Первый аргумент таков: «идеальный объект... есть схематическая, упрощенная модель реальных предметов» (с. 368-369), «Утверждения относительно моделей (идеальных объектов) есть и утверждения относительно самой действительности» (369). Не трудно видеть, что предложенная Смирновым идея «модели» не проходит; между высказываниями на научном языке об электронах и высказывания о стульях и сто-

лах на «вещном языке» нет отношения модели. Какая разница, называть ли теоретическую систему «каркасом», или «моделью», или «конструктом», или «наукой». Это только разные имена, а проблема состоит в отношении теоретической системы с постулируемыми в ней сущностями, и с особым искусственным языком к внешней этой системе действительности описываемой на естественном языке. Смирнов говорит о «соответствии действительности», однако из его рассуждений не всегда ясно, о какой «действительности» идет речь. «Действительность» может толковаться и как нечто дотеоретическое, долингвистическое, как кантовская «вещь в себе». Под «действительностью» можно понимать картину мира, рисуемую на естественном языке здравого смысла или на языке традиционной философии. В последнем случае проблема состоит в отношении изображения мира на языке науки к обычному миру, рисуемому на языке повседневного опыта. И вопрос состоит в отношении языка двух теорий: научной, с одной стороны, и теории здравого смысла, с другой. В том же 1963 году Уилфрид Селларс в книге «Наука, восприятие и реальность», в которой он переместил разговор о реальности из метафизической плоскости в языковую, свое рассуждение о реализме заключил выводом о существовании «трагического дуализма» (или о существовании двух антагонистических способов изображения мира) – научного и наличного, между которыми нет не может быть примирения. Я привожу этот пример для того, чтобы подчеркнуть, что Смирнов уже тогда выделил фокусные проблемы, надолго определившие векторы дискуссии в зарубежной мысли.

Карнап и логические неопозитивисты, как известно, много сил потратили на обоснование наличия фундамента у научных теорий, и пытались найти привязки теоретических конструктов и действительности с помощью редукции теоретических высказываний к эмпирическим высказываниям наблюдения и одновременно отсеять все фантазийное, нетеоретическое, спекулятивное. Процедуры редукционизма и верификационизма Смирнову представляются неубедительными. Другое дело используемый Карнапом *прагматический аргумент*. Смирнов находит его вполне здравым. «На наш взгляд, – вопрос о том, является ли та или иная система идеальных объектов моделью действительности, есть познавательный вопрос; а вопрос о

степени точности модели включает в себя элемент выбора, определяемого практической установкой» (с. 373). В выборе моделей он предлагает, мы бы сказали, руководствоваться «бритвой Оккама» – простотой и точностью. Конечно, простота, точность, удобство, прагматическая установка при выборе теорий и языков – все это важные компоненты в производстве науки. Весь вопрос состоит в том, следует ли рассматривать идеальные объекты только как удобные конструкции речи, инструментально работающие в ситуации для предсказания и контроля, или у них все же есть какие-то нити, связывающие их с реальностью. В 1962 г. вышла в свет книга Т.Куна «Структура научных революций», снабдившая социоисторическими аргументами противников гносеологического фундаментализма. П.Фейерабенд, Р.Рорти и многие другие лишают знание каких-либо привязок к реальности. Смирнову, естественно, все эти теории в то время не могли быть известны.

Чувствуя недостаточность модельного аргумента для наведения мостов между теориями и «действительностью», Владимир Александрович обращается к гипотезе Сепира-Уорфа о семантической нагрузке, которую несет грамматическая структура естественного языка. Уже само по себе обращение к сфере языкознания и феномену языка для обсуждения вопросов, относящихся к философии науки, для нашей философии того времени было новаций. Значимость «лингвистического поворота», совершенного западной философией, мало кто осознавал и немногие могли работать в когнитивной культуре, заданной этим «поворотом». (Думается, что одним из первых, кто понял философские последствия, проистекающие из этого сдвига, был В.А.Звегинцев, специалист по языкознанию. Владимир Александрович внимательно отнесся к его трактовке гипотезы Сепира-Уорфа).

Согласно гипотезе Сепира и Уорфа, организация, систематизация, теоретизация и онтологизация мира определяются языковой системой, хранящейся в памяти того или иного естественного языка. Семантика, грамматика, лексика языковой системы подсказывают и диктует формы организации и теоретического освоения внешнего мира. Поэтому онтологическая картина в целом коррелятивна сложившемуся языку. По этой гипотезе разнообразные когнитивные системы определяются (детерминируются) разнообразием существующих в мире грамматик и слова-

рей. Из нее следовало, что если бы Аристотель говорил по-китайски, или на языке племени чау-чу, то он нарисовал бы совершенно иную картину реальности.

Смирнов увидел в гипотезе Сепира-Уорфа некоторый якорь спасения для привязки теоретических «каркасов» или «моделей» к действительности. «На наш взгляд, – говорит он, – в структуре (семантической) языка содержатся определенные онтологические предпосылки. Эти предпосылки являются идеализированными допущениями относительно системы объектов, о которых может идти речь в данном языке» (с. 377). Якорь, конечно, весомый в случае, если гипотеза правдоподобна.

Я не буду говорить о том, насколько оправдалась апелляция Владимира Александровича к гипотезе Сепира-Уорфа. Споры о ней идут и по сей день, имеется множество «про» и «контр» аргументов. Не стоит забывать, что в начале 60-х годов наши философы не имели физического доступа ко многим важнейшим материалам, не имели живых контактов с коллегами из-за рубежа, не говоря уже о внешних обстоятельствах, отнюдь не способствующих свободному выдвижению гипотез и свободному обсуждению самых разных концепций. Не буду говорить и о уточнении и последующих работах В.А.Смирнова. Мне важно отметить, что наряду с прагматической (инструменталисткой) установкой выбора и отсева теорий по принципу их простоты, точности и эффективности, он выбрал, с моей точки зрения, в общем верную и перспективную стратегию. Она состояла в следующем: 1) за отправной пункт анализа принимается естественный язык; 2) принимается гипотеза о наличии в языке встроенных онтологических предпосылок; 3) анализ понимается как выявление онтологических предпосылок сначала для простых, а затем для все более сложных искусственно сконструированных языков; 4) предполагаемой целью анализа является нахождение связующих нитей между теоретическими построениями и реальностью.

В течении 60-х годов были опубликованы работы психолингвиста Н.Хомского по трансформационно-генеративной грамматике. (Они, конечно, физически не могли быть известны Владимиру Александровичу). Хомский подверг концепцию Сепира-Уорфа серьезной критике, в частности, за универсализм, социолингвистический детерминизм, и др. Вместе с тем он не отбросил ее вовсе, а скорее усилил, скорректировав исходный вопрос об основаниях языка. Он выдвинул гипотезу о

врожденной диспозиции к усвоению грамматической структуры языка, наличии в нем глубинных структур (генеративной грамматики), которые реализуются в конкретных языках. Тем самым было сделано предположение о наличии у языка не только социальных, но и биологических корней. Данная гипотеза позволила приписать языку не только сигнальные функции, что свойственно бихевиористам от Райла до Куайна, но и описательные, дескриптивные функции.

Идеи Хомского, как известно, были встречены с энтузиазмом реалистами (в частности, К.Поппером, искавшем биологические подпорки дескриптивным функциям языка) и шквалом критики со стороны антиреалистов. Шквал этот не утихает и по сей день. Они внесли смятение в ряды философов, спорящих о реализме или антиреализме наших теорий, об одном или «двух языках» в изображении реальности, об онтологическом монизме или дуализме.

Как бы то ни было, гипотеза о наличии у нашего языка – искусственного или естественного – каких-то более глубинных корней, привлекшая внимание Владимира Александровича в конце 50-х годов, и сегодня рассматривается как ключевая, от эмпирического подтверждения или опровержения которой во многом зависят векторы извечного спора реалистов и антиреалистов. Обращение внимания на увязку теоретических моделей со здравым смыслом и с естественным языком, свидетельствует о его проницательности. А предложенная им стратегия, при всех ее теоретических сложностях и технических трудностях, является, с нашей точки зрения, наиболее здравой. В противном случае нам следует согласиться с Полом Фейерабендом, Ричардом Рорти и другими сторонниками антифундаментализма и эпистемологического анархизма, полагающих, что все наши теории суть мифы.

Заключая, мы хотели бы сказать следующее. Проблемы, на которые вышел в анализируемой нами статье Владимир Александрович, конечно, «твердые орешки». Это и проблемы идеальных объектов науки, проблемы языка, совокупность проблем, относящихся к альтернативным онтологиям мира (пользующихся искусственным и естественным языкам), реализму и фундаментализму. Было бы натяжкой говорить, что в этой статье он представил сильные контраргументы против теории каркасов Карнапа, а тем более утверждать, что уже тогда он предложил собственную достаточно убедительную концепцию. Ее нет и в

современной литературе. Однако в свете дискуссий, проходивших в последующие десятилетия, вполне правомерна констатация, что Владимир Александрович принял разумную и перспективную стратегию подхода к этой проблематике.

Обсуждаемая статья свидетельствует о большом шаге, сделанным В.А.Смирновым и его единомышленниками в сторону подключения к современной когнитивной культуре и ее смысловому полю; это сказалось в использовании новой понятийной системы, скрупулезности в анализе смыслов языка, отсутствии в статье необоснованных генерализаций, владении техникой логического и концептуального анализа и, что знаменательно, в отсутствии идеологической зашоренности. Все это имело огромную значимость для утверждения в российской мысли этических норм профессиональной работы, основанных на интеллектуальной честности. Студенту 60-х годов, вознамерившемуся, скажем, исследовать неопозитивизм, содержащиеся в книге «Философия марксизма и неопозитивизм» контрастные материалы, представляли не один, а два выбора: либо пойти по проторенной и легкой дорожке идеологической войны против «чужих идолов», либо пойти по трудному пути размышления о проблемах, над которыми бьется мировая мысль и пытаться искать свой собственный ответ. Многие молодые люди выбирали второй путь и в этом есть заслуга Владимира Александровича Смирнова.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 96-06-80514).